

Формула Пушкина

«Феодализма у нас не было, и тем хуже»¹

Среди вопросов, выдвинувшихся в ходе ожесточенных философско-исторических дискуссий на рубеже 1820-х и 1830-х годов и связанных с проблемой исторических судеб России и Запада, особое значение приобрел вопрос о феодализме, об особенностях русского и западноевропейского средневековья. Туда, в средневековье, уходили своими корнями те исторические силы, которые в своем дальнейшем развитии определили характер социальной структуры современного западноевропейского общества. Из недр западноевропейских феодальных отношений, в процессе борьбы средневековых городских коммун, формировалось третье сословие, складывались условия для буржуазной революции.

Особенно острый интерес к вопросам феодализма проявляли историки французской школы. Они рассматривали историю феодализма в его динамике, в процессе возникновения, развития и закономерной гибели под напором новых буржуазных отношений, с точки зрения борьбы третьего сословия против дворянства. Эта особенность французской исторической школы — преимущественный интерес к средневековью, к эпохе феодализма — была отмечена в России. Характеризуя деятельность Гизо, Тьерри, Баранта, харьковский профессор В. Цых писал: «Показать постепенное смешение, соединение различных элементов нравственной и умственной образованности и народностей, приведенных, так сказать, в брожение в начале средней истории; открыть всякого происшествия истинный смысл и значение; изобразить все в резких, характеристических его чертах; сообщить всему современный, местный колорит, — вот идеи, по которым обрабатывают среднюю историю сию великие писатели»².

Полемика, развернувшаяся вокруг «Истории русского народа» Н. Полевого, придала вопросу о феодализме, о характере средневековья особую злободневность. Предстояло выяснить, являются ли процессы, происходящие на Западе, неизбежными и для России? Есть ли в России условия для формирования ре-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 127. Сочинения Пушкина далее цитируются по этому изданию.

² В. Цых. Решение вопроса по причине беспрепятственного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории. Харьков, 1833, стр. 35—36.

волюционного третьего сословия, какова роль русского дворянства, что представляет собой крестьянская стихия? В поисках ответов на эти вопросы надлежало обратиться к опыту прошлого — выяснить особенности русского средневековья в его неповторимом своеобразии, выяснить, существовала ли в России система отношений, характерных для западноевропейского феодализма.

Н. М. Карамзин не придавал проблеме феодализма сколько-нибудь серьезного значения. В «Истории государства Российского» довольно глухо говорится: «...Вместе с верховною княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система *феодалная, поместная* или *удельная*, бывшая основанием новых гражданских обществ... во всей Европе»³. Примечательно это неуверенное «кажется».

В полный голос о проблеме феодализма заговорил Н. Полевой, который полностью отождествлял систему отношений Древней Руси с феодальной системой западноевропейских стран. В эволюции русского феодализма, генезис которого он, вслед за зарубежными историками, объясняет исходя из теории завоевания, Полевой различает несколько стадий: вначале была «норманская феодальная система», она сменилась «феодализмом семейным» (так определяется им система уделов). Иначе, в соответствии с общей системой своих воззрений, решали эту проблему М. Погодин и С. Шевырев. Примечательна эволюция суждений Погодина, который от признания наличия феодализма в России⁴, вместе с общим изменением взглядов, приходит в конце концов к его отрицанию — к выводу о том, что, в отличие от Европы, в России не было феодализма.

Впрочем, на рубеже 20-х и 30-х годов, когда доктрина его еще складывалась, Погодин формулировал свой взгляд на проблему феодализма в России в следующей форме: «У нас... развилась удельная система, которая существенно отличается от феодальной, *хотя и составляет вид того же рода*, и государство оставалось во владении одного семейства, разделившегося на многие отрасли»⁵. Как видим, он рассматривает удельную систему как специфическую разновидность феодальной, подчеркивая ее «семейственный» характер («во владении одного семейства»).

Точка зрения С. Шевырева, в сущности, близка к погодинской. «У нас,— настаивал он,— был особенный, *наследственный*,

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. Изд. 3. СПб., 1830, стр. 135.

⁴ В 1826 г. М. Погодин писал: «Я давно уже разделил российскую историю на два периода. Первый — феодализм с Рюрика, второй — деспотизм с Иоанна III. Рюрикова династия жила в феодализме и совершила оный деспотизм» (цит. по кн.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2. СПб., 1889, стр. 18).

⁵ М. Погодин. Взгляд на русскую историю (1832).— В кн.: «Историко-критические отрывки». М., 1846, стр. 6.

родовой феодализм, совершенно отличный от европейского. Европейский феодализм произошел от того, что все западные государства Европы основались завоеванием, а наш от того, что Россия основалась добровольною уступкою славян одному роду»⁶. «Феодализм русский,— записывает С. Шевырев в дневнике 1831 г.,— основан на родстве, не как прочий европейский на совокупном завоевании. Это весьма важно в нашей истории. Дело в том, что Россия основана не завоеванием, а добровольным уступлением власти варягам. В этом, мне кажется, должен быть главный источник различий феодализма нашего от европейского»⁷.

Как видим, Погодин и Шевырев, не отвергая понятия «феодализма», истолковывают систему политических отношений на Руси в свете своей доктрины,— настаивая на их особой патриархальности. Примечательно поэтому, что определение «семейственный феодализм», которое было выдвинуто Н. Полевым, вызвало их одобрение; они дали ему свою интерпретацию. С. Шевырев писал об «Истории» Н. Полевого М. Погодину 9 декабря 1830 г.: «О феодализме противоречий тысяча. Слово *семейственный* хорошо». И далее: «*Родство* у нас играет важную и главную роль в феодализме»⁸.

Важное место проблема феодализма занимала и в раздумьях Пушкина. В статьях об «Истории» Н. Полевого, решительно

⁶ Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Отдел рукописей, ф. 850, С. Шевырев, л. 92 (1831 г.; не публиковалось).

⁷ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 850, С. Шевырев, кн. IV, т. I, л. 900 об. (не публиковалось).

⁸ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 26, № 14, л. 133. об. (не публиковалось). В начале 30-х годов вопрос о феодализме становится предметом обсуждения на страницах журналов. В статье «Девятнадцатый век» («Европеец», 1832) И. Киреевский рассматривает вопрос о соотношении феодализма в России и на Западе. Он показывает сходство и различие между ними, спорит с Н. Полевым, не называя его по имени. Точка зрения И. Киреевского: «Из этого, однако, не следует, чтобы феодальная система и система уделов были одно и то же, как утверждали у нас некоторые писатели; ибо, не говоря уже о другом, одна зависимость феодального устройства от церкви, служащей первым основанием всех феодальных прав и отношений, уже полагает такое различие между двумя системами, что непонятно, каким образом многие из литераторов наших, хотя на минуту, могли почитать их одинаковыми. Но, с другой стороны, феодальное устройство представляет столько сходного с нашими уделами, что нельзя не предположить, что система уделов была одним из элементов феодализма» (И. В. Киреевский. Полное собрание сочинений, т. I, М., 1911, стр. 101).

Подробно останавливается на этой проблеме Сенковский, который различивает системы феодальную и аллоидальную, считая, что в России существовала последняя: «В России, как и в Скандинавии, исключительно господствовала чистая аллоидальная система, а уделы принадлежат ей собственностию, на которую феодальная система не имеет никакого права.» («Скандинавские саги». — «Библиотека для чтения», 1834, т. I, отд. «Науки и художества», стр. 33).

Специальную статью о феодальной системе в Западной Европе написал И. Шульгин («Библиотека для чтения», 1834, ч VII). Появляется также множество переводных материалов, посвященных этой проблеме.

полемизируя с автором, который утверждал наличие феодализма в России, отождествляя его с западноевропейским и объясняя его генезис теорией завоевания, Пушкин настойчиво проводил мысль об отсутствии феодализма в русской истории. В ответ на замечание Полевого: «Мог ли варяг понимать благость другого правления, кроме феодального?», Пушкин заявляет: «Феодализма не было»⁹. Точку зрения Полевого Пушкин оспаривает неоднократно: «Он (Полевой.— *И. Т.*) видит опять и феодализм (называет его семейственным феодализмом)¹⁰ и в сем феодализме средство задуть феодализм же, полагает его необходимым для развития сил юной России» (XI, 126).

Формула, выдвигаемая Пушкиным, совершенно категорична: «Феодализма у нас не было, и тем хуже» (XI, 127). Первая часть этой формулы совершенно ясна. «Сохраняя термин «феодализм» только за западным феодальным строем, Пушкин доказывает, что таких социальных отношений, какие характеризуют западный феодализм, в России не было», — писал Б. В. Томашевский¹¹. Суть позиции Пушкина в том, что ему важно выделить те черты и особенности русского средневековья, которые составляли его специфический облик. Вот почему в одном из черновых вариантов Пушкин замечает: «Удельные княжества столь же мало походят на феодализм европейских баронов — как нынешние губернии на... Чингисхановы орды» (XI, 377).

«Феодализму» (на Западе) Пушкин противопоставляет «аристокрацию» (в России): «аристокрация не есть феодализм», «аристокрация, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка» (XI, 126). Различие это, как следует из последующего хода мысли (различие между западными феодальными баронами и русскими удельными князьями и боярами), Пушкин видит прежде всего в отсутствии в России системы вассальных отношений, характерных для Запада¹². В западноевропейских странах существовала система феодального права, основанная на договорных, четко обусловленных взаимных обязанностях сеньора и вассала, четкая их иерархия. «Вступая в феодальное общество и делаясь вассалом сюзерена, человек стано-

⁹ «Рукою Пушкина». М.— Л., «Академия», 1935, стр. 175.

¹⁰ «Семейственный феодализм есть бессмыслица», — замечает Пушкин на полях при чтении второго тома «Истории» Н. Полевого. Для Пушкина феодализм — это система разъединения, а потому родство и феодализм — это так же несовместимо, как, скажем, жареный лед. Поскольку понятие «семейственный феодализм» было приемлемо и для Шевырева и Погодина, то ясно, что в этом пункте Пушкин расходится не только с Полевым, но и с ними.

¹¹ Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 179.

¹² См.: С. Юшков. А. С. Пушкин и вопрос о русском феодализме. — «Историк-марксист», 1937, т. I, стр. 60. Трудно, однако, согласиться с утверждением автора статьи о том, что Пушкин рассматривал «русский исторический процесс под углом зрения признания существования феодализма в России» (стр. 62).

вился им на договоренных, четко определенных и вперед известных условиях», — говорит об этом Ф. Гизо¹³. «Феодальный союз никогда не составлялся без согласия принимавших в нем участие, как вассала, так и сюзерена, как низшего, так и высшего следовательно, общество устанавливалось по воле своих членов»¹⁴. Отсюда вытекало «право разорвать ассоциацию»¹⁵.

Имея в виду такого рода отношения на Западе, Пушкин в «Заметках по русской истории» (предположительно датированных 1831 г.) писал: «У феодальных владетелей были у каждого по отношению к другому обязанности и права» (XII, 484. Оригинал на франц. яз.). А в черновиках заметки о Французской революции (1831) читаем: при феодальной системе «*все определено и известно: права и обязанности, власть королевская (le domaine), власть великих владетелей и феодальная иерархия от пэра до последнего вассала*» (XI, 436; курсив мой. — И. Т.). В России же положение иное. Здесь «удельные князья зависели от единого великого князя, и то *неопределенно* — бояре их... придворные сподвижники» (XII, 204, курсив мой. — И. Т.)¹⁶.

Этот юридический момент в концепции Пушкина оказывается неотделимым от политического и социального. В отличие от западноевропейского феодализма, где королевская власть в целях обуздания сепаратистских стремлений феодалов вступала в союз с третьим сословием, в России, по словам Пушкина, «великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их (бояр. — И. Т.) усмирять» (XI, 126). Почему? В России существовала опасность «чудовищного феодализма»¹⁷ (как писал Пушкин в ранних заметках по русской истории XVIII в.) — чрезвычайного усиления могущественной «аристокрацией», родовитых вельмож, т. е. аристократической олигархии (в статье о втором томе «Истории» Н. Полевого Пушкин останавливается на основных вехах в ее судьбе: «Аристократия стала могущественна. Иван Васильевич III держал ее в руках при себе, Иван IV — казнил» и т. д.). Но поскольку против нее выступило «меньшее дворянство» («Не Федор, но Языков, т. е. меньшее дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле придворного чина, но в смысле аристокраций». — XI, 127), то для усмирения «аристокраций» великим князьям не было нужды

¹³ Гизо. История цивилизации во Франции, т. III. М., 1881, стр. 189

¹⁴ Там же, стр. 187.

¹⁵ Там же, стр. 193. Вопрос о сущности феодального права широко освещался еще в работах мыслителей XVIII в., в частности в «Духе законов» Монтескье ему посвящены книги тридцатая и тридцать первая.

¹⁶ К мысли этой Пушкин возвращался не раз. Так, в «Очерке истории Украины» (1831) он писал: «Владимир (Киевский. — И. Т.) разделил между своими сыновьями завоевания своих предков. Эти князья в своих уделах являлись представителями государя... Это, как видим, не феодальный строй, который основан на независимости отдельных владельцев и на равном праве на добычу» (XII, 483. Оригинал на франц. яз.).

¹⁷ См. в этой связи замечания В. Д. Грекова в его статье «Исторические воззрения Пушкина» («Исторические записки», т. I. М., 1937).

вступать в союз с народом — поскольку они опирались в этом на «меньшее», служилое дворянство.

Наконец, в отличие от стран Запада, где значительную роль играл процесс освобождения городов, в результате которого формировалось третье сословие, в России картина была иной: «Освобождение городов не существовало в России» (XI, 376). Пушкин решительно не согласен с попытками Н. Полевого провести аналогию между Новгородом и Псковом и городскими коммунами на Западе. «Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не *общины* (*communes*), удаленные от Великокняжества и обязанные своим бытием сперва... хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей» (XI, 376). Говоря так, Пушкин имел в виду, несомненно, не только характер взаимоотношений Новгорода и Пскова с Великокняжеством, их независимость, но и специфические особенности системы внутреннего управления, черты подлинного народоправства — в отличие от западноевропейских коммун¹⁸. Систему управления западноевропейских городских общин Гизо характеризовал следующим образом: «Из всей совокупности жителей составлялось народное собрание общины... которым назначались должностные лица... По назначении должностных лиц собрание расходилось, а выбранные сановники почти одни управляли городом, с довольно неограниченным произволом»¹⁹. При подобной узурпации власти сановниками мало что оставалось от народоправства. Н. Полевой, отождествлявший Новгород и Псков с западноевропейскими городскими общинами, отвергал тем самым и традиции народоправства. Это отметил, в частности, и С. Шевырев, который в письме к М. Погодину от 9 декабря 1830 г. заметил: «Он (Полевой.— И. Т.) втыкает в свой сад чужие ветки без корня...— *les communes* Тьерри перерядил в историю Новгорода. Это, впрочем, остроумно и лучшее место в его Истории. Но говоря о правлении, говорит: князь все значит, а народ ничего. Где же *les communes*?»²⁰

Известна та особая острота и злободневность, которые тема Новгорода имела после разгрома декабристов. Не только декабристы, но и Н. М. Карамзин видел в Новгороде и Пскове особую русскую систему народоправства. Подчеркивая отличие Новгорода от западноевропейских городских коммун, Карамзин писал: «Не в правлении вольных городов немецких — как думали некоторые писатели, — но в первобытном составе всех держав народных... надлежит искать образцов новгородской политической системы»²¹; «Новгород... более шести веков слыл в России и в

¹⁸ Впрочем, в статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница» Пушкин говорит о «дипломатике русского вольного города» (XI, 182) — т. е. Новгорода.

¹⁹ Гизо. История цивилизации в Европе. СПб., 1864, стр. 123.

²⁰ ИРЛИ, Отдел рукописей, ф. 26, № 14, л. 133 об.

²¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. Изд. 6. СПб., 1844, стр. 132.

Европе державою народною или республикою, и действительно имел образ демократии: ибо Вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и высшую исполнительную власть»²². И далее: «Вече владычествовало как собрание народа... представляя лице Новгорода, который именовался государем»²³.

После 1825 г. вновь разгорелась полемика о понимании системы правления Новгорода. Не только Н. Полевой отождествлял Новгород с западноевропейскими городами. И. В. Киреевский также считал, что система правления Новгорода и Пскова заимствована у иноземцев: «У нас также были Новгород и Псков; но внутреннее устройство их (заимствованное по большей части из сношений с иноземцами)...»²⁴ Отождествлял Новгород с западноевропейскими вольными городами и О. Сенковский. «В вольном городе,— так назовем мы Новгород, ибо республикою его никак назвать невозможно»,— писал он²⁵. Погодин и Шевырев, как отмечалось выше, истолковывали тему Новгорода в свете своей доктрины о добровольном призвании: «Новгородская вольность лучшим образом доказывает, что добровольно уступкою, а не завоеванием основалась Россия, ибо покоренные народы со своими завоевателями договоров не делают, как новгородцы то делали с нашими князьями»²⁶. Выясняется, следовательно, что Пушкин был, в сущности, единственным, кто после 1825 г. теоретически продолжал рассматривать Новгород и Псков в свете национальной традиции народоправства: «истинные республики»²⁷.

Как видим, вопрос о том, почему Пушкин отвергал наличие феодализма в историческом прошлом России, достаточно ясен. Загадочно, однако, другое: почему он говорит «тем хуже»? («феодализма у нас не было, и тем хуже»— XI, 127).

Утвердившееся в науке объяснение, которое, в конечном итоге, восходит еще к плехановскому²⁸, сводится к следующему: в отсутствие феодализма Пушкин видел отрицательный факт, поскольку оно свидетельствовало об отсутствии в России условий для формирования революционного третьего сословия, для

²² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, стр. 131.

²³ Там же, стр. 132.

²⁴ И. В. Киреевский. Деятнадцатый век (1832).— Полное собрание сочинений, т. I, стр. 99.

²⁵ «Библиотека для чтения», 1834, т. I, стр. 21.

²⁶ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 850, С. Шевырев, кн. IV, т. I, л. 94 (запись в дневнике 1831 г.).

²⁷ Позднее Герцен будет писать: «Новгород... был республикой, насколько можно было быть республикой на Руси» (А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 46).

²⁸ По мнению Плеханова, Пушкин видел в отсутствии в России феодализма западного типа «не преимущество, а недостаток». Пушкинское «тем хуже» выражало, как и у всех «западников», «сожаление об отсутствии внутренней борьбы в русской истории» (Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII. М.— Л., 1926, стр. 65, 66).

развертывания буржуазной революции. Это объяснение стало общепринятым, в разных вариантах оно повторяется во всех работах, анализирующих позицию Пушкина по этому вопросу. Так, по мнению М. Покровского, в отсутствие феодализма в России Пушкин видел «недостаток, некоторое уродство русской истории»²⁹. С точки зрения А. Шебунина, отсутствие феодализма и борьбы городов, составлявшее особенность русского исторического процесса, имело в понимании Пушкина «чисто отрицательное значение», поскольку из-за этих причин в России «не сложилось ни сильной аристократии, ни способной ограничить царскую власть буржуазии»³⁰. Объяснение Б. В. Томашевского выражено таким образом: «Хуже потому, что в русской истории не было предпосылок для буржуазной революции»³¹.

Между тем справедливость подобного толкования пушкинских слов вызывает серьезные сомнения, оно не кажется нам убедительным. Во-первых, вряд ли Пушкин, который требовал судить об истории России, исходя из нее самой, и настаивал на необходимости применять к ней другую формулу, чем к странам Запада, мог усматривать в своеобразии ее развития некое «уродство», «аномалию», «недостаток» и делать пессимистические выводы из того, что ее судьба сложилась иначе, чем судьба западноевропейских стран. Вспомним в этой связи его полемику с Чаадаевым («Как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?»— XVI, 393). Во-вторых, названное толкование исходит из предположения, будто Пушкин сожалел о малочисленности и слабости буржуазии, «третьего сословия» в России или что он хотел видеть в России буржуазную революцию в ее западноевропейском варианте. Между тем оснований для таких предположений у нас нет. Напротив, известно, что к буржуазии с ее торгашеством он подходил критически. Да ведь и самый спор с концепцией Н. Полевого и ее идеологическими выводами в конечном итоге был связан именно с этим. Статья Пушкина о втором томе «Истории русского народа» Н. Полевого писалась в болдинскую осень 1830 г., т. е. уже после Июльской революции в Париже. Пушкин проявлял к ней, как известно, большой интерес, понимал ее закономерность, внимательно следил за ходом событий, но из этого вовсе еще не следует, будто считал ее желательной — в такой форме — в России³².

²⁹ М. Покровский Пушкин-историк — В кн: А. С. Пушкин Полное собрание сочинений, т. V. Под редакцией Д. Бедного и др. М.—Л, 1933, стр. 21.

³⁰ А. Шебунин. История Пугачева.— «Литературное обозрение», 1937, № 2, стр. 49.

³¹ Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга вторая, стр. 180.

³² Нельзя согласиться с категорическим утверждением А. Чхендзе: Пушкин «отнесся к Июльской революции, свергнувшей монархический режим, с большим сочувствием» (Анна Чхендзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, стр. 12). Все, что мы знаем об отношении Пушкина к Июльской революции, явно недостаточно, чтобы прийти к такому заключению (см.: Б. В. Томашевский Пушкин и Июльская революция 1830—1831 гг.,—

Несомненно прав Б. В. Томашевский, который замечает: «При анализе политических взглядов Пушкина... нужно отделять сто русскую политическую программу от западноевропейской»³³. Таким образом, традиционное толкование пушкинского тезиса «тем хуже» представляется спорным, натянутым. В действительности пушкинское «тем хуже» не дает оснований для обычных, столь далеко идущих широких выводов. Следует иметь в виду, что термин «феодализм» в пушкинском употреблении включает в себе несколько значений, нередко совмещающихся (система разъединенности, аристократическая олигархия). Поэтому подлинный смысл пушкинской формулы может быть уяснен, если рассматривать ее не изолированно, а в контексте статьи, исходя из логики пушкинских размышлений.

Формула: «Феодализма у нас не было, и тем хуже», начатая с красной строки, находится в конце главки, служит логическим выводом из предшествующего изложения, завершает в тезисной форме развитие мысли поэта. Напомним ход пушкинских рассуждений: «Дело в том... что Россия не окрепла и не развилась во время *княжеских драк* (как энергически назвал Карамзин удельные междоусобия), но, напротив, ослабла и сделалась легкой добычей татар — что аристократия не есть феодализм и что аристократия, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка» (XI, 126).

Остановившись далее на основных вехах в истории борьбы с «аристократией», т. е. с боярством и его притязаниями («Аристократия стала могущественна. Иван Васильевич III держал ее в руках при себе. Иван IV казнил. В междоусарствие она возросла до высшей степени» и т. д.), Пушкин и делает вывод: «Феодализма у нас не было, и тем хуже» — вывод, имеющий очень конкретное и частное, а не расширительное значение. «Хуже» потому, что вместо «обычного» феодализма была «аристократия», потому что «аристократия» (с которой связываются в первую очередь княжеские междоусобия и сепаратистские стремления боярства, а затем и поползновения аристократической олигархии к установлению «чудовищного феодализма») ослабляла Россию и препятствовала ее единству в известном

В кн.: Б. В. Томашевский Пушкин. Книга вторая. М — Л, Изд-во АН СССР, 1961; первоначально в кн.: «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832». Л., Изд-во АН СССР, 1927) Нередко в доказательство приводится пари, заключенное Пушкиным с Вяземским относительно судьбы Полюньяка. Но предсказание казни Полюньяка связано у Пушкина с тем, что он рассматривает ее с точки зрения логики революции, связывая эту логику скорее всего с опытом революционных событий 1793 г. Косвенным подтверждением этому может служить диалог собеседников в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений», в котором вслед за словами о крике *les aristocrates à la lanterne* («гадкой фарсе в огромной драме») речь заходит о Полюньяке. Да и в статье о втором годе «Истории» Н. Полевого сближаются деятели двух революций: Наполеон и Полюньяк.

³³ Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга вторая, стр. 334.

смысле еще больше, чем западноевропейская феодальная система с ее вассальными, строго определенными договорными отношениями, что она стала главной причиной того, что Россия сделалась «легкою добычею татар». Запад был в ином положении: ведь «феодальное правление» — это «система простая и сильная» (XI, 439; курсив мой. — И. Т.).

Из сказанного, однако, вовсе не вытекает, будто Пушкин сожалел об отсутствии в русском прошлом феодальной системы западноевропейского типа. Там же, в рассматриваемой статье, Пушкин прямо отвергает точку зрения Полевого, который полагает феодализм «необходимым для развития сил юной России» (XI, 126). Да и вообще о структуре социальных отношений пушкинская формула в рассматриваемом контексте статьи не говорит. Поэтому, повторяем, нет никаких оснований считать, что пушкинское «тем хуже» связано с отсутствием предпосылок для буржуазного развития страны. Предлагаемое нами толкование тезиса «тем хуже» подтверждается также и анализом черновых вариантов текста. Именно в том месте, где речь идет о княжеских междоусобицах и татарском нашествии, после слов «Россия не окрепла» (далее варианты: «В драках княжеских не было никакого развития»; «Драки княжеские не развили никакой силы, доказательство — нашествие татар») следует: «и тем хуже» (XI, 376). Эта переключка одинаковых выражений помогает понять ход пушкинской мысли и смысл, который вкладывался им в формулу: «Феодализма у нас не было, и тем хуже».

А. Д. Михайлов

※

Пушкин и Стендаль

Напряженный интерес Пушкина к произведениям Стендаля был, по-видимому, настолько широко известен, что великому русскому поэту даже приписали восторженный отзыв о «Пармском монастыре»¹, напечатанном, как известно, лишь в 1839 г. На знакомство Пушкина с книгами Стендаля указывалось неоднократно, особенно после опубликования писем поэта к Е. М. Хитрово². Этот интерес к Стендалю справедливо связы-

¹ См.: «Записки А. О. Смирновой», ч. I. СПб., 1895, стр. 322—323. См. также: А. Vinogradoff. Trois rencontres russes de Stendhal.— «Mercure de France», t. CCIII, n° 717, 1 mai 1928, p. 605—607.

² См.: «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832». Л., Изд-во АН СССР, 1927, стр. 112, 116, 217—221.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973